

Н. А. ГУСЬКОВ

«ЭКЛОГИ» СУМАРОКОВА КАК ПОЭТИЧЕСКАЯ КНИГА

(К постановке проблемы)*

В последнее время все большее внимание исследователей творчества А. П. Сумарокова привлекают его поэтические сборники. После статей, помещенных в коллективной монографии, составленной в 2002 г. Е. В. Мстиславской,¹ и в особенности после научного издания од и элегий Сумарокова под редакцией Р. Вроона² все более вероятным кажется предположение о том, что издания собственных произведений, предпринятые Сумароковым, представляют собой книги стихотворений.³ Р. Вроон и М. Левитт убедительно показали сложность творческой истории од и элегий Сумарокова, которая, по их мнению, отчасти определялась стремлением поэта представить собрания этих жанров как целое, что и отразили соответствующие издания. Необходимо исследовать и другие жанровые сборники поэта, чтобы установить, не проявляется ли и в них та же тенденция.

Кроме од и элегий Сумароков на склоне лет издал итоговые собрания эклог, духовных стихотворений и сатир. Данная работа посвящена книге эклог.

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00321 по теме «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века (историко-литературный и лингвистический аспекты)».

¹ Александр Петрович Сумароков (1717—1777): Жизнь и творчество / Сост. Е. П. Мстиславская. Сб. статей и материалов. М., 2002.

² Сумароков А. П. Оды торжественные. Элегии любовные / Изд. подгот. Р. Вроон. Репринтное воспроизведение сборников 1774 г. М., 2009.

³ В настоящей работе понятие «книга» обозначает поэтический сборник, составленный автором в соответствии с его стремлением представить включенные в него произведения как некое единство.

В 8-й части Полного собрания всех сочинений Сумарокова помещено 65 эклог, последняя из них «Предвестницы зари еще молчали птички...» помечена автором как перевод из Б. ле Бовье де Фонтенеля и перепечатана Н. И. Новиковым из мартовской книжки журнала «Ежемесячные сочинения» за 1756 г. Этот текст подробно проанализировал И. Клейн, и мы не будем его касаться. По-видимому, другие эклоги также имеют источники в европейской поэзии. Так, Р. М. Горохова указывает на то, что «Дафна» в своей основе восходит к фрагменту из пасторальной драмы Т. Тассо «Аминта».⁴ В целом же источники эклог Сумарокова пока не исследованы. Однако несмотря на предполагаемое использование Сумароковым неизвестных нам чужих текстов, его эклоги довольно оригинальны, что проявляется в заметной русификации возможно и заимствованного материала.

Эклогам Сумарокова посвящены главы в монографиях И. Клейна⁵ и Т. В. Саськовой.⁶ В первой из них дается обзорное описание материала. Эклоги и идиллии Сумарокова интересуют И. Клейна преимущественно как ранние опыты жанра в России, собственные же их литературные достоинства даже в контексте эпохи, судя по имеющимся в книге характеристикам, не кажутся исследователю существенными. Т. В. Саськова дает глубокий и интересный анализ художественного мира эклог Сумарокова как цельной системы. К ее выводам, казалось бы, трудно прибавить нечто новое. Между тем она, как и И. Клейн, исследует конечный текст произведений, не касаясь их творческой истории и принципов издания в XVIII в. (хотя И. Клейн делает замечания по этому поводу, но они не влияют на его выводы). Предложенное Т. В. Саськовой понимание художественного мира эклог основывается на их итоговом издании, отразившем позднейшие редакции текстов. Между тем поздняя редакция многих эклог заметно отличается от ранней, в которой эклоги и были широко известны современникам. Трансформация текста эклог столь существенна, что не учитывать ее, пытаясь выявить авторский замысел, невозможно. По-видимому, это понимал уже Н. И. Новиков, поместив-

⁴ Горохова Р. М. Торквато Тассо в России XVIII века. (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад: из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 137—139.

⁵ Клейн И. Пасторальная поэзия русского классицизма // Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 110—126.

⁶ Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII века. М., 1999. С. 24—48.

ший в 9-й том Полного собрания всех сочинений Сумарокова раздел эклог в их ранней редакции.⁷

Первые одиннадцать эклог Сумарокова были напечатаны в 1759 г. в издаваемом им журнале «Трудолюбивая пчела». Двенадцатая эклога («Имена») была издана в 1760 г. в журнале «Праздное время в пользу употребленное».⁸ Очередность написания первых 12 эклог и причина именно такой последовательности их публикации неизвестны. Каждая из ранних эклог может рассматриваться как самостоятельный опыт в пасторальном жанре, но может соотноситься и с контекстом соответствующего номера журнала, и даже со всем журналом в целом как с единой книгой для чтения. Тексты эклог «Трудолюбивой пчелы» и «Праздного времени...» (см. Приложение) представляют собой начальный текст 12 эклог. Спустя 10 лет эти 12 эклог были заметно переработаны и вместе с новыми шестью эклогами составили последний четвертый раздел сборника Сумарокова «Разные стихотворения» (1769). В 1774 г. 18 эклог «Разных стихотворений» были включены Сумароковым в сборник «Эклоги» наравне с новыми 46 произведениями в этом жанре. Для каждого нового издания поэт заметно перерабатывал текст и менял последовательность расположения эклог. Можно предполагать, что их перестановка была связана с работой над текстами и с общими задачами подготавливавшихся автором сборников. Видимо, к 1769 г. у Сумарокова уже сложилась концепция авторского сборника произведений пасторального жанра, но только в 1774 г. ее удалось воплотить в отдельном издании. В книге же «Разные стихотворения» раздел эклог пришлось выстраивать с учетом других жанровых разделов.

Остановимся на нескольких аспектах работы Сумарокова над текстом эклог, для того чтобы проверить, насколько существенна переработка эклог и можно ли ставить вопрос об авторском замысле их расположения в разделе «Разных стихотворений» и в книге 1774 г., позволительно ли говорить об их единстве. Можно выделить три аспекта истории текста произведений: переименование эклог, изменение имен персонажей, связанные с этим трансформации сюжета и композиционные перестановки.

⁷ Ранние версии трех эклог публикует П. Н. Берков; см.: *Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 492—501 (Б-ка поэта).*

⁸ С<умароков А. П.>. Имена // *Праздное время. 1760. 2 сентября. С. 149—152.*

К наиболее существенному отличию сборника эклог от других сборников Сумарокова относится его посвящение «Прекрасному российскому народу женскому полу», где сформулированы важнейшие идеи книги: «...мои эклоги наполнены излишне любовью; так должно знать, что недостаточная любовь не была бы матерью поэзии.

В эклогах моих возвещается нежность и верность, а не злопристойное сластолюбие, и нет таких речей, кои бы слуху были противны. <...> Любовь — источник и основание всякого дыхания; а вдобавок сему — источник и основание поэзии; так можно ли сочиняти эклоги, если пиит ужаснется глупых предварений и невкусных кривотолкований. А вы, прекрасные, помните только то, что неблагопристойная любовь и непостоянство стыдны, поносны, и вредны, и пагубны, а не любовь, и что любвию наполненные эклоги и основанные на нежности, подпертой честностию и верностию, читательницам соблазна, точною чертою, принести не могут; хотя и нет никакого блага, из которого бы не могло быти злоупотребления».⁹ Это приведенное в выдержках предисловие неоднократно цитировалось и интерпретировалось. Остается установить, отражает ли новая редакция текстов и композиция сборника 1774 г. концепцию посвящения к нему.

Работа Сумарокова над текстом эклог была разносторонней: это и радикальная стилистическая правка, не только замена слов, но и целых фраз, значительные сокращения: так, эклога «Ириса» из первоначальных 120 стихов сохранила 58, «Дориза» из 136 — 76 и т. д.; особенно велики сокращения в самой длинной эклоге «Калиста», 192 стиха которой превращаются в 104 (см. Приложение). Иногда, напротив, строки добавлялись: эклога «Флориза», имевшая в первоначальной редакции 1769 г. 100 строк, в 1774 г. была дополнена 6 стихами. Правда, случаи расширения текста исключительны. В целом же ни одна эклога не осталась неизменной, лишь в четырех из них правка была незначительной: кроме «Флоризы» это «Ниса», сокращенная на 2 строки, «Клариса» и «Делия», каждая из которых уменьшились на 4 стиха. Но даже такие небольшие, казалось бы, изменения могли повлиять на смысл произведения.

Только в двух случаях, готовя переиздания эклог, Сумароков не прикоснулся к тексту: так, журнальный вариант «Кларисы»

⁹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. В 10 ч. 2-е изд. М., 1787. Ч. 8. С. 3—4.

воспроизведен в «Разных стихотворениях», а «Дельфира» помещена в сборнике 1774 г. в редакции 1769 г. Все остальные прижизненные публикации эклог содержат заметные переработки. Особенно интересны правки в процессе подготовки итогового сборника 1774 г. То, что поэт не только продолжал менять отдельные слова и серьезно сокращать текст, а в ряде случаев, напротив, его увеличивать («Ириса», «Климена», «Орфиза» («Цефиза»), «Флориза»), свидетельствует о том, что автор по-разному мыслил жанровый отдел в сборнике («Разные стихотворения») и целое самостоятельной книги («Эклоги»), подчиняя общему замыслу каждое стихотворение. В пределах данной статьи невозможно провести обширного текстологического анализа, исследователям Сумарокова еще предстоит выяснить, как сказались редактирование эклог на их сюжете и настроении, а следовательно, и на общем содержании сборника.

Более очевидна для читателя, даже не углубившегося в текстовые отличия редакций, авторская правка имен. Она еще более явно, чем изменение объема эклог, отражает потенциальное наличие в книге стихов 1774 г. особой концепции.

Т. В. Саськова обратила внимание на то, что все 64 эклоги поэта названы по имени героинь, таким образом, именно женщина, женская красота и женские переживания — в центре внимания поэта. По мнению исследовательницы, эта ведущая женская роль составляет особенность жанра эклоги именно в понимании Сумарокова. Между тем в журнальной редакции 5 эклог из 12, т. е. почти половина, названы мужскими именами. Таким образом, наблюдение Т. В. Саськовой относится не к жанровым особенностям эклог Сумарокова, а к эклогам поэтической книги, и изменение названий связано, по-видимому, с ее концепцией.

История названий эклог Сумарокова представляет интерес для понимания замысла книги 1774 г. Из первых 12 эклог в сборнике 1769 г. только 5 сохранили свое название в книге «Эклоги», это «Ириса», «Филиса», «Калиста», «Исмена», «Клариса». В эклоге «Клариса» именем Клариса была в 1774 г. названа другая героиня. Три эклоги поменяли свое название в 1769 г.: «Тирсис» на «Пальмиру», «Дафнис» на «Дельфиру», «Дамон» на «Доризу», название еще одной журнальной эклоги «Климена» было заменено в 1774 г. на «Агнесу».

Еще три эклоги из первых 12 журнальных эклог при каждом прижизненном переиздании получали новое название:

«Аркас» — «Сострата» — «Белиза»;

«Ликаст» — «Антиклея» — «Амаранта»;

«Дорис» — «Орфиза» — «Цефиза».

И только шесть новых эклог, напечатанных в 1769 г., при переиздании 1774 г. не переименовывались («Делия», «Сильвия», «Ниса», «Флориза», «Мелицерта», «Дафна»). Сокращения в них тоже умереннее, чем в большинстве эклог 1750-х гг.: максимальное сокращение коснулось «Дафны» и охватило 14 строк из 80. Мы видим, что большинство ранних эклог приходилось перерабатывать, приспособливая их к концепции сначала раздела сборника, а затем поэтической книги; эклоги же, впервые появившиеся в «Разных стихотворениях», в меньшей степени нуждались в переработке.

Конечно, изменение названий не было формальным, оно отражает, во-первых, стремление автора sobлюсти в разделе и в сборнике эклог принцип единообразия, для чего и устраняются мужские имена в заглавиях. Во-вторых, изменение имени в заглавии эклоги указывает на изменение роли героя в произведении, авторского к нему отношения. Это можно проследить на примере переименования пастушек.

В первой редакции эклоги «Клариса» Мелиза рассказывает подруге Кларисе о своей любви к Палемону и сомневается, будет ли тот постоянен. Он появляется и клянется в верности. Они соединяются, и Мелизе начинает подражать ее подруга Клариса, не познавшая еще любви. В редакции 1774 г. при сохранении сюжета пастушки меняются местами.¹⁰ Теперь Клариса — главная героиня, а Мелиза ее невинная подруга. Иным оказывается смысл произведения: если прежде в центре внимания был процесс инициации, получения знания о любви, теперь — переживания героини, увенчавшиеся разрешением сомнений, такое становление взаимоотношений влюбленных одобряется автором как достойное подражания.

Отношение к любви определяет и замену мужских имен в названиях эклог на женские. Во всех эклогах, даже в той, где героиня не появляется, а один пастух рассказывает другому историю своей любви, субъектом действия, активным лицом, определяющим ход событий, является пастушка. Это, конечно, достигается не только за счет перемены названий, только маркирующих содержание эклог. Сумароков выбрасывает реплики пастухов, влияющие на податливость их возлюбленных, порой немного перестраивает сюжет и т. д.

¹⁰ Этот факт отметил, но никак не интерпретировал П. Н. Берков (*Сумароков А. П. Избранные произведения*. С. 576).

Интересны в этом отношении трижды переименованные эклоги «Аркас» («Сострата» — «Белиза») и «Ликаст» («Антиклея» — «Амаранта»).

В первой из них Мелита и Аркас скрывали друг от друга свою любовь, а Мелита еще таилась от строгой матери; лишь когда та заснула, Мелита пошла искать возлюбленного. Спасаясь от пробудившейся и разыскивающей ее матери, пастушка пришла в шалаш к Аркасу. Далее следует их спор о том, пристойно ли находиться девушке в жилище возлюбленного, когда гневается мать. Пастух убеждает ее остаться и предаться страсти, пастушка возражает. Наконец он высказывает свои опасения, что она любит другого; чтобы разубедить его, она отвечает ему взаимностью.

Аркас из ревности к веселью приступил
И много с ней минут дражайших проводил.
По сем, исполненна любовныя приязни,
Пришла дочь к матери, исполненна боязни.
Лгала ей, что ее пастушка позвала,
С которою она в согласии жила,
Что отречись ничем от зову не имела,
А матери будить в сне крепком пожалела,
И ложь и истина могли те речи быть:
Всегда ль от вымысла лъзя правду отделить?
Прогневанная мать дочь вольну пожурила,
Но дочь несла легко, что мать ни говорила.¹¹

В редакции 1769 г. Мелита стала Состратой и оказалась в центре повествования. Пастух теперь только упоминается, о нем нет никаких конкретных сведений. Вся вторая половина текста сокращена. От нее остались следующие строки:

В забвении в шалаш любезного вбегала
И радостью своей Аркаса испугала.
Что ж делать, коль его ей хочется любить,
Полезных ей минут не хочется губить.¹²
Старуха, не сыскав Состраты, возвращалась,
А дочерня боязнь в утеху превращалась.¹³

Как видим, теперь активность полностью принадлежит героине. Текст стал прямолинейнее, исчезла зыбкая грань между

¹¹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 9. С. 22.

¹² Сумароков А. П. Разные стихотворения. СПб., 1769. С. 255.

¹³ Там же.

правдой и вымыслом, игриво создававшаяся автором и организовавшая повествование в журнальной редакции. Очевидно, и эти игры с читателем, и дискуссии на нравственные темы в шалаше не вписывались в концепцию раздела эколг в «Разных стихотворениях».

В 1774 г. героиня вновь поменяла имя. Финал сократился до 4 строк:

Белиза во шалаш любезного вбегала;
Стыд весь, боязнь ея тогда превозмогала.
А нежная любовь, котора сердце жгла,
В уединении и страх превозмогла.¹⁴

По-своему изысканно-галантный аллегорический пуант в духе посвящения к сборнику эколг заменил развязку коллизии между матерью и дочерью. В данной редакции мать нужна лишь как повод для испуга, подтолкнувшего к встрече и соединению влюбленных. Побочная юмористическая интрига, вполне уместная в пасторальном произведении в поэтической книге 1774 г., стала избыточной.

Именно в этом произведении мы наблюдаем единственный в сборнике случай авторской невнимательности при переработке текста: в стихах 17 и 18 последней редакции имя Сострата не заменено на Белизу. Это противоречие сохранено в обоих изданиях Полного собрания сочинений и не отмечалось исследователями. Вероятно, оно связано со спешкой при подготовке публикации, ведь в 1774 г. Сумароков выпустил сразу несколько книг. Вторая подобная ошибка (появление в стихе 107 эколги «Калиста» имени Альципа из предшествующего текста), может быть, возникла по недосмотру не автора, а наборщиков, но не была замечена Новиковым.

Переработка другой эколги — «Ликаст» — осуществлялась в том же направлении. Заглавный герой рассказывает своему другу Эрасту, что наконец познал силу страсти и что постепенно добился взаимности прекрасной Антиклей, убедив ее в глубине и истинности своих чувств. Уже в варианте 1756 г. пастушка первой оказывает Ликасту знаки внимания, а он на протяжении большей части текста ограничивается выразительными, но безмолвными переживаниями. Однако во второй половине произведения именно настойчивость и уговоры пастуха вызывают благо-

¹⁴ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 8. С. 28.

склонность Антиклеи. Во второй и особенно в третьей редакциях вся активность, внутренняя борьба и решающий выбор связаны не с героем, а с заглавной героиней, ставшей субъектом действия, хотя повествование по-прежнему ведется от лица Ликаста и он продолжает демонстрировать возлюбленной свои чувства. Сокращению подвергаются стихи, относящиеся к герою. В частности, исчезает исходная психологическая проблема: пастух избегал любви, оберегая свою свободу, но добровольно отказался от свободы, обретя избранницу сердца: «Прошли те дни, как я свободу почитал. И красоту девиц с любовью презирал», — сообщал он в начале журнальной редакции и после рассказа о романе с Антиклеей резюмировал:

С тех дней о вольности уж я не сожалею,
И таю, веселясь любовницей своею.¹⁵

Эти строки в издании 1774 г. отсутствуют, ведь любовь трактуется здесь как естественное устремление души и не противопоставляется свободе. В книге эклог «Антиклея» первых двух редакций переименована в «Амаранту». Возможно, это обусловлено значениями греческих имен (первое переводится как «бесславная», второе — «неувядаемая»). Неуместные отрицательные коннотации имени «Антиклея» (причины его выбора поэтом пока не ясны, возможно, диктуются источником), кроме того, создаются и за счет мифологических ассоциаций. Так звали мать Одиссея, умершую от тоски по пропавшему без вести сыну, и одну из суровых спутниц Артемиды-Дианы — охотницу, скитавшуюся с луком в глуши лесов. Обе эти героини не имеют ничего общего с сумароковской пастушкой.

В результате унификации названий по гендерному принципу все тексты вполне ясно демонстрируют ту особую роль прекрасного пола в любовных отношениях, о которой автор говорит в посвящении. Это процитированное выше вступление в совершенно ином культурном контексте, в иную эпоху, в иной культуре заметно напоминает послесловие Боккаччо к «Декамерону» (1352). Оба писателя адресуют книгу дамам для увеселения их досуга и просвещения в любви, оба защищают право говорить о любви откровенно, не скрывая плотских утех, аргументируя это тем, что в свете принято говорить свободно о гораздо более постыдных и противоестественных вещах. «Говорят о воровстве, о убийстве,

¹⁵ Там же. Ч. 9. С. 22, 26.

о грабеже и ябедничестве беззастенчиво во всяких беседах; неужели такие разговоры благороднее речей любовных? А особенно когда не о скотской и не о непостоянной говорится любви <...> что почтеннее: эклоги ли составлять, наполненные любовным жаром и пишемые хорошим складом, или тяжёлые ябедников письма, наполненные плутовством и складом писанные скаредным». ¹⁶ При этом оба писателя заявляют, что не сводят любовь к чувственности. «Презрэнна любовь, имущая едино сластолюбие во основании; презрэнны любовники, устремляющиеся обманывать слабых женщин; подвержены некоторому поношению и женщины в обман давшиеся; презрэнно неблагородное сластолюбие, но любовная нежность и верность от начала мира были почтенны и до скончания мира почтенны будут». ¹⁷ По мнению Сумарокова, взаимная нежность и постоянство как стремление вечно приносить благо одному и тому же лицу есть нравственное оправдание физических наслаждений. В отличие от Сумарокова, Боккаччо во многих новеллах демонстрирует примеры любви недостойной и часто разворачивает действие в современной ему низкой бытовой обстановке. Сумароков же даёт очищенный, хотя и не лишенный страданий, образ любви, протекающей в условиях земного рая (*locus amoenus*), не знавшего общественных пороков, «во дни златого века», когда «не было ни бракосочетания, ни обрядов к оному принадлежащих: единая нежность только, препровождаемая жаром и верностью, была основанием любовного блаженства». ¹⁸

Концепция, воплотившаяся в структуре книги, намеченная в посвящении и отчасти проанализированная Т. В. Саськовой, ещё не вполне оформилась в журнальных редакциях эклог, она созрела окончательно лишь к 1774 г. Возможно, содействовать её внедрению в читательское сознание должна была и последовательность текстов, подробнее речь об этом — в конце статьи.

Ещё одна странная особенность творческой истории эклог Сумарокова состоит в том, что он, хотя в 1774 г. и добавил 46 новых произведений, не перестал переименовывать пастушек из прежних эклог. Логично было бы использовать новые имена в новых текстах, а героиням, которые дважды уже являлись публике, оставить их привычные имена. Между тем поэт называет

¹⁶ Там же. Ч. 8. С. 3—4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 3.

Клименой и Орфизой персонажей новых стихотворений, а те, кто прежде носил эти имена, стали Агнесой и Цефизой. Возлюбленный Климены из Дамона превратился в Титира. Что касается Состраты и Антиклей, то эти имена и вовсе исчезли из сборника. Единственное предположение, которое позволяет объяснить эти многочисленные переименования, связано с постоянно изменявшимся в продолжение 1750—1770-х гг. ассоциативным полем перечисленных имен. Все эти имена литературны, поэтому отсылают к разным контекстам, причем не только пасторальным. Изучение антропонимических коннотаций может многое объяснить в авторском замысле сборника эклог, а поскольку переименование героинь — процесс вполне осознанный, оно должно уточнить концепцию поэтической книги, если таковая действительно существует.

Особый интерес представляет собой композиционный аспект творческой истории этого издания. Приведенная схема (см. Приложение) показывает, как менялась последовательность эклог при второй и третьей публикациях. Здесь прослеживается явная закономерность.

Уже в «Разных стихотворениях» эклоги помещены не в том порядке, что печатались в журналах, при этом старые эклоги перемежаются с новыми.

В книге эклог 1774 г. вначале помещены уже известные 18 эклог, а все новые 47 эклог помещены после них. Внутри первых восемнадцати произведений заметна перестановка в сравнении с их публикацией в сборнике «Разные стихотворения»: сначала в новом порядке идут 12 эклог, печатавшихся в журнале, потом шесть эклог, появившихся в 1769 г. в той же последовательности, что и в «Разных стихотворениях». Из этого видно, что жанровый раздел в сборнике и собственно жанровый сборник требовали разного расположения текстов. В сборнике 1769 г. перестановка текстов была более значительной, а в 1774 г. прежняя структура лишь откорректирована, но в обоих случаях местами меняются лишь те произведения, которые изначально не мыслились как часть задуманного единого целого. Таким образом, к моменту издания «Разных стихотворений» идея собрания эклог как единого целого отчасти уже оформилась, но полностью она воплотилась позднее.

В композиции всех подборок эклог прослеживается закономерность. Так, отдельные группы текстов всегда печатались рядом в одинаковой последовательности. Такие комплексы явно маркированы по смыслу как единства, наряду с этим по-своему

маркированы и те эклоги, которые постоянно перемещались, периодически занимая ключевые позиции — начальную или финальную.

Первой напечатанной в журнале эклогией была уже упомянутая «Клариса», и, как видно из таблицы (см. Приложение), она всегда печаталась в паре с «Тирсисом», переименованным в «Пальмиру». Тем не менее и раздел, и сборник эклог открывает «Ириса»; «Клариса» в обеих трактовках сюжета, несмотря на то что героини в ней поменялись именами, на роль первого в книге произведения не подошла. Содержание «Ирисы» таково: заглавная героиня выросла и влюбилась в пастуха, которому прежде за ягоды платила невинными поцелуями. Он ей признался в любви, в ответ на ее сомнения поклялся быть верен, и они обрели счастье. Казалось бы, содержание двух эклог сходно. Здесь есть и любовная инициация, и клятва в постоянстве, и другие общие мотивы, повторяющиеся у Сумарокова в десятках эклог. Очевидно, важны оттенки, детали. В «Ирисе» инициация — результат естественного взросления, а не подражания подруге. Видимо, такое понимание любви как естественно наступившей поры было принципиально важным для Сумарокова. При этом и тон «Ирисы», простодушный, шуточный и трогательный, отвечает общему настроению книги, наивному и веселому. «Клариса» же, произведение много более серьезное, даже драматичное, общему тону эклог не соответствовала. И именно «Ириса» избирается Сумароковым для создания эмоционального настроения книги.

Последняя опубликованная в журнале эклога — «Исмена» — замыкает собой первые 12 эклог в сборнике 1774 г., а в «Разных стихотворениях» разрывает группу новых текстов, которые впоследствии печатались подряд. Содержание журнальной редакции таково: пастух жалуется на холодность возлюбленной и пытается покончить с собой, но она, подслушивавшая, ему не дает этого сделать, и все заканчивается их соединением. Сюжет вполне соответствовал канонам пасторального жанра в журнальном контексте, но плохо согласовывался с идеей собрания эклог, поэтому стихотворение подверглось радикальной переработке. Пастух, прежде безымянный, получил имя Рамир, надо полагать, чтобы вызывать некие нужные автору ассоциации (возможно, обусловленные источником, откуда почерпнуто имя). Попытки самоубийства героя в новом варианте уже нет, остался только намек на возможность такого исхода. Драматизм ситуации значительно сглажен, зато усилена ирония.

В финале первоначальной редакции автор вопрошает:

Скажите, Нимфы, мне; вы все то ясно зрели!
 Что делали они, когда в любви горели?
 Пастушки, пастухи ни на единый час
 Не могут тайны скрыть любовных от вас;
 И се уже одной я слышу Нимфы глас:
 «В пещере на местах от паства удаленных
 Я зрела их, всей кровью распаленных:
 В жарчайшем пламени горят,
 Друг друга о любви кляняся уверяют
 И поцелуями те клятвы повторяют;
 „Люблю“ в получасе раз по сту говорят,
 „Люблю тебя, люблю, люблю тебя неложно“,
 Впоследствии... этого изобразить не можно;
 Что начал Купидон, то Гимен окончал
 И жар любовничий утехой увенчал».¹⁹

Заметим здесь отступления от традиционного александрийского стиха, которые для единообразия устранены в последней редакции. Убрано и обращение к нимфе, и вместо ее восторженного монолога дано авторское повествование, где прежние слова получили игровой оттенок:

Целуясь, говорят стократ: «люблю не ложно».
 Впоследствии... этого изобразить не можно.
 Что начал Купидон, то Гимен окончал,
 И жар их радостным восторгом увенчал.²⁰

Эклога была погранична по своему содержанию, ее драматизм подспудно оставался, поэтому для нее трудно было найти подходящее место. В сборнике 1769 г. она помещена среди новых эклог о любовных страданиях, возникших вследствие недоразумений. В издании 1774 г. «Исмена» предваряет собой эту группу.

Интересны трижды переименованные эклоги. Всегда подряд помещались Сумароковым «Аркас» — «Сострата» — «Белиза», «Ликаст» — «Антиклея» — «Амаранта», «Дафнис» — «Дельфира». Пока не очень ясно, чем объясняется такая последовательность, но проанализированная выше переработка первых двух текстов показательна: видимо, автор желал сохранить и композиционную близость трех эклог, и суть каждой из них, но стремился придать им каждый раз новые функции, обусловленные характером тех изданий, для которых они предназначались.

¹⁹ Там же. Ч. 9. С. 49—50.

²⁰ Там же. Ч. 8. С. 36.

Третья из трижды переименованных эклог «Белиза» помещалась в отдалении от «Аркаса» и «Ликаста», значит, основания ее переработки и роли в изданиях были иными. Эта эклога, первоначально названная «Дорис», лишена, в отличие от большинства произведений данного жанра, фабулы. Пастух в разлуке с возлюбленной жалуется на судьбу. Его трогательный монолог заканчивает раздел эклог в «Разных стихотворениях» и весь сборник в целом. Здесь стихотворение названо «Орфиза» и имеет подзаголовок «пастушеская элегия». Первая журнальная редакция эклоги «Дорис» открывалась речью повествователя:

Красавицы своей отстав, пастух в разлуке
Лил слезы и стена во всех местах был в скуке,
Везде ее искал, нигде не находил
И некогда в тоске без пользы говорил...²¹

В издании 1769 г. этих слов нет, перед нами лирический монолог. Если учесть, что самой заставкой в этой книге элегии объединены с эклогами, понятно, почему именно такой текст оказался финальным: после шуточного стихотворения «Дафна» он восстанавливает серьезный и возвышенный тон, преобладающий в сборнике, и циклизует вторую его половину, отсылая к элегиям.

В издании 1774 г. такой вариант эклоги был бы совершенно неуместен, особенно в маркированной позиции, поэтому он, теперь под названием «Цефиза», лишен подзаголовка, подчеркивающего элегическое начало, помещен рядом с эклогами о несбывшихся опасностях и его повествовательная рамка восстановлена. Во вступлении к пастуху вернулось его имя Лисандр, но на первый план все же вышла героиня. Главное же — добавлен счастливый финал.

Но вся сия тоска Лисандра тщетно клонит,
Уже его к нему Цефиза стадо гонит.
Зрит прежню он красу во солнечных лучах;
Сияет горизонт в Лисандровых очах,
Играют быстрые струи ближайшей речки,
И весело блеют Лисандровы овечки.
«О треблаженный час!», — любовник вопиет
И слезы радостны с ней купно он лиет;
И после как они потоки слезны лили,
Скорбящие сердца в день тот же исцелили.²²

²¹ Там же. Ч. 9. С. 33.

²² Там же. Ч. 8. С. 11.

В предлагаемой статье рассмотрены лишь некоторые примеры редактирования эклог. Но уже на этих примерах видно, что правка существенно сказывалась на идее произведений и была связана в 1769 г. с замыслом жанрового раздела, а в 1774 г. — с концепцией поэтической книги. Пока еще интерпретировать переработки и перестановки отдельных эклог или их групп рано. Только в результате детальной текстологической и комментаторской работы могут быть объяснены те странные особенности творческой истории сборника сумароковских эклог, которые позволяют предполагать в нем черты концептуального единства и считать его поэтической книгой.²³

ПРИЛОЖЕНИЕ

	Журнал	Сборник «Разные стихотворения» (1969)	Книга «Эклоги» (1774)
№	1 (ТП. ²³ Март)	1	1
Название	Клариса	Ириса	Ириса
Число строк	106	50	58
№	2 (ТП. Март)	2	2
Название	Тирсис	Дориза	Агнеса
Число строк	116	92	62
№	3 (ТП. Апрель)	3	3
Название	Ириса	Климена (Агнеса)	Цефиза (Дорис, Ориза)
Число строк	120	58	72
№	4 (ТП. Апрель)	4	4
Название	Филиса	Филиса	Дориза (Дамон)
Число строк	130	102	76
№	5 (ТП. Апр.)	5	5
Название	Аркас	Клариса	Клариса
Число строк	128	106	102

²³ Здесь и далее ТП обозначает сокращение названия журнала «Трудолюбивая пчела» (1759).

	Журнал	Сборник «Разные стихотворения» (1969)	Книга «Эклоги» (1774)
№	6 (ТП. Июль)	6	6
Название	Ликаст	Пальмира (Тирсис)	Пальмира (Тирсис)
Число строк	132	76	74
№	7 (ТП. Июль)	7	7
Название	Дафнис	Калиста	Филиса
Число строк	120	110	98
№	8 (ТП. Август)	8	8
Название	Климена	Сострата (Аркас)	Калиста
Число строк	90	76	104
№	9 (ТП. Авг.)	9	9
Название	Дорис	Антиклея (Ликаст)	Белиза (Аркас, Сострата)
Число строк	100	110	72
№	10 (ТП. Октябрь)	10	10
Название	Дамон	Дельфира (Дафнис)	Амаранта (Ликаст, Антиклея)
Число строк	136	90	90
№	11 (ТП. Окт.)	11	11
Название	Калиста	Делия	Дельфира (Дафнис)
Число строк	192	122	90
№	12 (Пр. время. ²⁴ 1760. Сент.)	12	12
Название	Имена	Сильвия	Имена
Число строк	87	134	88
№		13	13
Название		Ниса	Делия
Число строк		98	118
№		14	14
Название		Флориза	Сильвия
Число строк		100	122

²⁴ Сокращение названия журнала «Праздное время, в пользу употребленное».

	Журнал	Сборник «Разные стихотворения» (1969)	Книга «Эклоги» (1774)
№		15	15
Название		Имена	Ниса
Число строк		100	94
№		16	16
Название		Милицерта	Флориза
Число строк		92	106
№		17	17
Название		Дафна	Милицерта
Число строк		80	80
№		18	18
Название		Орфиза. Пастушеская элегия (Дорис)	Дафна
Число строк		60	66